

А. Д. ЕЛЯКОВ

МЕТАФИЛОСОФИЯ

Противоречия и логико-методологические трудности определения философии

В философии сформировались два подхода к пониманию ее сущности: рациональный (понятийный) и интуитивный. В статье речь пойдет о первом подходе. Что касается второго, он требует специального рассмотрения. Здесь воспроизведу позицию М. Мамардашвили, видимо, «последнего из могикан», составившего эскиз подхода. В основу своих размышлений он кладет «первое определение философии: философия есть учение о философии. Предметом философии является философия»¹. Поскольку «философию нельзя определить», «эти попытки затемняют, рассеивают ясность», он идет иным путем, суть которого излагает по аналогии с домом: «...зачем ...чисто вербально описывать внутреннее убранство дома, если можно ввести его за руку и показать? Тем более, что у нас есть такая рука, а именно интуиция»². Из этого следует, что выбор в доме, именуемом «учение о философии», то есть выбор субъектом философского кредо, осуществляется с помощью интуиции. И уже за месяц до смерти, усиливая позицию, он написал: «Философия – не профессия, а темперамент и способ жизни. и я не могу вам сообщить никакой суммы знаний, а могу только передать нечто совершенно интимное и потому рискованное в смысле понимания»³.

Начнем с рассмотрения ряда противоречий, которые свидетельствуют о трудностях понимания философии и накладывают печаль на ее определение.

Философия как некая совокупность знаний колоссального объема обречена на противоречия. Она развивалась в течение более двух с половиной тысяч лет. И, как дитя своего времени, отвечала на его потребности. Согласно Ж.-П. Сартру, «Философия остается действенной до тех пор, пока сохраняется породившая ее практика, которая несет ее в себе и которую она освещает. Однако она трансформируется, утрачивает свою специфику и теряет свое первоначальное, связанное с определенным временем, значение»⁴. Философия Средневековья возникла как ответ потребности общества на всеобъемлющий религиозный дух своего времени и интересы христианства, как совокупность приемов для обоснования религиозных идей. Американский прагматизм появился как реакция американцев на удачу и успешный бизнес в рыночных условиях, марксистская философия – как ответ на потребности пролетариата. Итак, новые условия – другая философия. Как увязать исторические фрагменты философии в нечто единое?

Более того, поскольку каждая философская система создавалась на руинах старой или, как полагал Кант, всякий мыслитель строит свое собственное здание на развалинах предыдущего⁵, то в философии возникали естественные коллизии. Автор новых идей вынужден был доказывать несостоятельность предшествующих воззрений, утверждая право на существование своих. В этом смысле каждая новая система создавалась в пику старой, находясь с ней в конфронтации. Математика показала, правда, что к этому можно подойти и с других позиций. Новые системы можно уподобить неевклидовым геометриям, которые возникли в XIX столетии. Из существования разных посылок можно строить разнообразные и обширные дедуктивные системы, логически вполне обоснованные (правомерные), но ведущие к разным, несходным результатам. Говорить о том, какая геометрия истиннее или предпочтительнее, нельзя. Все они хороши и корректны к своим посылкам и в этом плане одинаково истинны. Их выбор и разработка зависят от теоретических и практических потребностей людей.

¹ Мамардашвили, М. К. Мой опыт постижения. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 58

² Там же. – С. 31.

³ Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс-К, 1992. – С. 388.

⁴ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. – М., 1994. – С. 6.

⁵ В отношении своей философии Кант недвусмысленно утверждал: «Критическая философия объявляет себя такой философией, до которой еще вообще не существовала никакая философия» (Кант, И. Соч.: в 4 т. – М., 1966. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 114).

Нечто подобное (или близкое к этому) можно сказать и о конкретных философских концепциях. Они также представляют некое целое, то есть совокупность взаимосвязанных непротиворечивых высказываний, покоящихся на определенных посылах (аксиомах). И в этом смысле они истинны. Не следует смешивать эту истинность с другой как точное, адекватное представление о мире. Речь идет всего лишь о реакции вполне определенного мыслителя на природу и общество. И, видимо, главное заключается в том, чтобы таких подходов было больше. Чем обширнее и глубже будет система представлений о Вселенной, тем увереннее и целесообразнее будет реагировать человечество на вызов окружающей среды и тем больше получит возможностей для своего выживания и развития. Однако внутри философии идет непрестанная борьба концепций, идей за выживание.

Вызывает интерес соотношение общественного и личностного в философии. Конечно, абсолютно разводить эти явления нельзя, так или иначе они взаимосвязаны. Однако в содержании философских проблем может доминировать один или другой аспект. И в этом заключается противоречие, то есть общественного значимого или личностного начала в содержании философии. Что касается первого аспекта, то здесь, пожалуй, самым ярким примером является марксистская философия, которая создавалась Марксом и Энгельсом как выражение интересов угнетенных трудящихся и прежде всего рабочего класса. В свое время она была интеллектуальным орудием пролетариата в борьбе с буржуазией. Вопрос значимости философии для общества изучал В. С. Соловьев. Он так ставил свою проблему: «Что же делает философия для человечества, какие блага ему дает, от каких зол избавляет?» В результате глубокого анализа влияния философии на жизнь общества в Индии, Греции и других странах он пришел к ряду заключений, суть которых резюмируется в выводе: она делает человека вполне человеком⁶.

Есть и личностная сторона дела, связанная с тем, что роднит философию с искусством, поэзией. В этом плане важнейшим является личность творца. Эта ситуация отчетливо проявляется в творениях таких мыслителей, как Ницше, Толстой, Камю. Между про-

чим, Ницше вполне определенно утверждал: «Мало-помалу для меня выяснилось, чем была до сих пор всякая великая философия: как раз самоисповедь ее творца»⁷. Н. Я. Грот недвусмысленно заявлял: «Философские системы... остаются достоянием личности и неразрывно связаны с именем своего творца»⁸. Как бы подытоживая проблему, В. Виндельбанд пишет: «История философии есть царство индивидуальностей, неповторяющихся и обособленных единиц...»⁹.

Действительно индивидуальные предпочтения философов определяются не только общественными потребностями, велением времени, но и личными симпатиями, установками мыслителей. Выбор в определенной степени зависит и от авторитетных предшественников. Платон воспринял немало идей Сократа. Многие вопросы, разрабатываемые Аристотелем, получили развитие у философов Средневековья. Идеи Фомы Аквинского были положены в основу неотомизма. Трудно говорить об окончательной расстановке противоборствующих сил и тенденций, однако более-менее рельефно проявляются два направления: описание, объяснение, изучение существующих явлений и императивы, требования со стороны философии. Первое направление наиболее отчетливо выразил А. Шопенгауэр: «Философия может только одно: дать толкование и объяснение существующему». Он же специально указывает, что «философии свойственно только рассматривать и изучать, а не предписывать»¹⁰. Кстати говоря, соответствующим образом он и строит свою систему, избегая долженствования императивов и указаний. Г. Г. Шпет рассматривал философию как чистое знание¹¹.

Выкристаллизовалось и заявило о себе другое направление, рассматривающее философию как действительно «царицу наук», некую повелительницу. Философское значение, повернутое в сторону приобретения нового знания, а также в практическую область, приобретает характер руководящего начала, императива. Эту идею

⁷ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч., в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 256

⁸ Грот, Н. Я. Философия как ветвь искусства // Философия и ее общие задачи: сб. статей. – СПб., 1904. – С. 76.

⁹ Виндельбанд, В. История философии. – М., 1898. – С. 12.

¹⁰ Шопенгауэр, А. О четвероногих корнях. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Соч.: в 2 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 376.

¹¹ Шпет, Г. Г. Философские этюды. – М., 1994. – С. 222.

⁶ Соловьев, В. С. Исторические дела философии // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 124.

недвусмысленно сформулировал Ф. Ницше: «Подлинные же философы суть повелители и законодатели; они говорят: "Так должно быть!"»¹² Ему буквально вторит Н. Я. Грот: «То, что должно быть, а не то, что есть – вот что раскрывает философия»¹³. Этот факт, правда, в качестве объекта критики, признал М. Фуко: «Всегда есть нечто смехотворное в философском дискурсе, который хочет извне диктовать закон другим, указывать им, где лежит их истина и как ее найти»¹⁴. Так что такое философия? Знание как результат описания, объяснения или системы нормативов, предписания? Или то и другое? Вопрос открыт.

Еще одно противоречие в философии, которое условно можно было бы квалифицировать как противоречие целого и части. В философских концепциях, которые входят в «целое», рассматривается большинство традиционных философских тем (природа, общество, бытие, познание, сознание), определенным образом организованных, например система у Гегеля. К ним с известным огрублением отнесем труды Аристотеля, Шопенгауэра, марксистскую философию. Что касается «части», то сюда включим работы тех философов, которые занимались разработкой, причем фундаментально, ряда принципиальных философских проблем. Отмечу, что для их реализации приходилось создавать свою систему (подсистему) категорий. Наиболее показательны в этом плане работы Хайдеггера, Богданова, представителей аналитической философии. Первый занимался в основном бытием, второй – тектологией, организацией, последние – языком, значением. Часть и целое, хоть и взаимосвязанные, – разные явления. И с этой точки зрения возникают значительные трудности в сопоставлении, сравнении философских концепций.

Человек – существо, в котором органически переплетаются чувственные и рациональные компоненты. Наличие этих двух важных составляющих наложило печать и на конструирование философии. Бесспорно преобладание рационального. Это обстоятельство находит выражение как в построении философского знания на базе категорий, принципов, законов, так и в суждениях самих фи-

лософов. Так, Кант утверждал, что философское познание исходит из «понятий»¹⁵. Витгенштейн, говоря о школьном понимании философии, полагал, что это система рациональных знаний из понятий¹⁶. По мнению А. Шопенгауэра, «философия всегда носит теоретический характер»¹⁷. М. Хайдеггер: «Философия же представляет собой нечто рациональное – она является подлинной держательницей разума»¹⁸.

Вместе с тем в истории философии были и иные идеи, связывающие ее содержание не с рациональной (логической) детерминантой, а с эмоциональной (чувственной). Здесь следует обратить внимание на суждения В. С. Соловьева. Он выделяет два понятия философии: имея в виду второе, делает акцент на жизнь, связанную с высшими стремлениями человеческой воли и высшими идеалами человеческого чувства, силами воображения и фантазией¹⁹. В аналогичном плане мыслит Н. Я. Грот: «Чувство – вот что все более сближает философа и поэта и что служит исходным мотивом и конечной целью в построении того и другого»²⁰. Бергсон суть философии непосредственно связывает с интуитивизмом. Итак, снова две противоположные позиции.

Конечно, с формально-логической точки зрения противоречия в индивидуальной мысли не должны существовать. Если они есть, то являются непререкаемым свидетельством беспомощности, незрелости мышления. Но речь идет о другом – о философии как совокупности разных философских систем и представлений. Именно она в этом виде претендует на описание и объяснение мира как такового. Вот здесь-то и возникают противоречия между разными подходами и взглядами. Но это противоречия созидательного, продуктивного характера. Во всяком случае, они позволяют обнаруживать слабые стороны философских рассуждений и доказательств, давая серьезный импульс к их преодолению. Они побуждают усиливать аргументацию, создавать новые продуктивные сис-

¹⁵ См.: Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Соч.: в 6 т. – М., 1964. – Т. 3. – С. 691–702.

¹⁶ См.: Витгенштейн, Л. Логико-методологические трактаты и письма. – М., 1980. – С. 31.

¹⁷ Шопенгауэр, А. Указ. соч. – С. 376.

¹⁸ Цитг. по: Путь в философию. Антология. – М., 2001. – С. 146.

¹⁹ См.: Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. – 1989. – Т. 2. – С. 178–227.

²⁰ Грот, Н. Я. Указ. соч. – С. 56.

¹² Ницше, Ф. Указ. соч. – С. 242–401.

¹³ Грот, Н. Я. Указ. соч. – С. 31.

¹⁴ Фуко, М. Воля к истине. – М., 1996. – С. 278.

темы. В конечном итоге, это один из самых повелительных мотивов к совершенствованию философских размышлений, живительный источник их развития.

Далее обратимся к трудностям определения философии. Появление определения как результата исследовательского процесса логично и естественно. Это сгусток, средоточие информации об обозначаемом явлении. Хотя интеллектуальные концепции к ним не сводятся, тем не менее, определения – узловые точки развития философского знания. Многие мыслители использовали эту логическую процедуру с целью концентрированного, интегрального выражения своего философского кредо. Начнем с парадоксального вывода: «К смыслу сущего философы не ближе, чем Платон. Какое странное положение вещей! Платон сумел уйти далеко или мы не сумели пойти дальше»²¹. Может быть, корень дела – в понимании мыслителями сути философии и ее назначения. Философия есть философия, это тривиально, но понятно. По крайней мере, это не искусство, не поэзия, не религия. И хотя она обладает некими общими признаками с данными социальными образованиями, тем не менее, это оригинальный способ бытия, чего-то другого, а чего? Рассмотрим вопрос. Речь идет прежде всего об известной позиции: философия сама должна определить свой предмет, свою сущность. Как утверждает Г. Зиммель, «лишь сама философия может решить, чем быть философии, и быть ли ей чем-нибудь, или же это одна бессмысленная фантазия соединяется с ее именем»²². Действительно, другое интеллектуальное средство, способное решить эту задачу, вообразить трудно.

Первое строгое определение любого явления, сложившегося много лет назад в философии и формальной логике, начиная с Аристотеля, – через род и вид. Напомню, что оно предполагает наличие более широкого понятия и более узкого, которое подводится под первое, наделяется специфическими признаками и получает вполне самостоятельный логико-методологический статус.

Если судить по факту определений, то многие философы исходили из понимания науки как наиболее широкого понятия. Представлю ряд известных суждений на этот счет: наука философия исследует сущее как таковое вообще (Аристотель); философия есть искусство искусств и наука наук (Аристотель); философия – сжатое изложение науки своего времени (Кант); философия есть всеобщая наука (Вундт); философия как основная наука, предметом которой служат формы, правила и связь всех процессов мышления... (Дильтей); философия есть наука о нормальном сознании, о принципах абсолютной оценки (Виндельбанд); философия – наука о мире в его целом (Грот); наука о всеобщих законах развития природы, общества, мышления (марксистская философия).

Однако какое из этих относительно немногих положений является исчерпывающим, вскрывающим суть предмета философии? Видимо, на этот вопрос корректно, не вызывая возражений, не ответит никто.

Примерно аналогичное положение в философии складывается и с методом – вторым жизнеобразующим фактором науки. Дело в следующем.

Во-первых, философы нередко использовали оригинальные методы (Спиноза – математический, Гегель – диалектический, Гуссерль – феноменологический и т. д.), установить общие признаки которых едва ли возможно.

Во-вторых, в тех самых системах, где метод проявляется весьма рельефно, философы до сих пор спорят об их содержании, например критический метод Канта. К другим методам философы относятся весьма скептически, вплоть до отказа в праве на существование. Один из наиболее известных в философии диалектический метод подвергся резкой критике со стороны Виндельбанда, Бохенского. Последний относит его к «суевериям», а Виндельбанд квалифицирует как «странное и нелепое фокусничество».

В-третьих, не все философы сформулировали в явном виде свои методы. О них можно только догадываться. Примерами могут служить философские воззрения Ницше, Камю, Толстого.

Существовали и крайние подходы, когда представитель неопозитивизма Франц фон Брентано, например, полагал, что истинный метод философии представляет естествознание, или Витгенштейн

²¹ Виндельбанд, В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. – М., 1993. – С. 5.

²² Зиммель, Г. Сущность философии // Вопросы теории и психологии творчества. – 1916. – Ч. 7. – С. 234.

утверждал, что правильный метод в философии состоял бы в следующем: ничего не говорить кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки, – следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. Комментарии, как говорят в таких случаях, не нужны. Итак, со стороны методов обнаружение специфических качеств философии невозможно. Как утверждал Дильтей, философия «не выносит никаких строгих ограничений определенным предметом или определенным методом»²³.

Далее. Философию нельзя подвести под такие довольно широкие понятия, как искусство и поэзия, хотя бы потому, что философия обладает понятийно-категориальным аппаратом, а последние его не имеют. То же самое можно сказать и о религии, добавив к только что изложенной аргументации то, что философия базируется на знании, а религия – на вере, а это, разумеется, хотя и взаимосвязанные, но разные вещи.

К философии можно подойти и с позиции выявления ее существенных свойств и признаков. А каковы эти свойства? В ее недрах сформировались два общепризнанных направления: идеализм и материализм. С точки зрения одного из принципиальных вопросов философии: что первично и что вторично – они дают диаметрально противоположные результаты. Как тогда быть? К этому добавим еще одно понимание философии, вытекающее из идей Г. Струве. Основная задача философии – в образовании общего мировоззрения, которое формируется разными философскими системами, школами. В данном плане типы философий не исключают друг друга, а дополняют. В этом смысле содержание философии есть не что иное, как совокупность таких взаимодополняющих, обогащающих философских направлений, течений, взглядов и т. д. Однако в таком случае неясно, на каком основании исключить признаки, противоречащие друг другу, и одновременно сохранить и согласовать свойства, с разных сторон раскрывающие единый предмет. Словом, появляется проблема, как из разнообразного материала сформировать единое непротиворечивое целое. Возникает вопрос критериев, или оснований. А каковы они, пока трудно представить.

²³ См.: Дильтей, В. Сущность философии. – М., 2001. – С. 52

Полагают, чтобы узнать, что такое философия, и сформулировать соответствующую дефиницию, необходимо обратиться к истории философии. Иными словами, изучить, как решался вопрос в прошлом, в различных философских системах, и сделать соответствующие выводы. Однако понятно, что исследователь столкнется с фактом – сколько оригинальных философских систем, примерно столько же и дефиниций философии. Тогда дело за выбором, который, естественно, зависит от субъективных предпочтений, склонностей, симпатий исследователя²⁴. В итоге исследователь попадет в исторический релятивизм.

Утверждается, что в философских концепциях нужно вычлнить не текущее, меняющееся, то есть историческое, а устойчивое, инвариантное.

Казалось бы, такой подход делает ситуацию разрешимой. Но это на первый взгляд. Возникает принципиальный вопрос: что же является инвариантным? Сущее, всеобщее, абсолютное и т. д. И опять ситуация упирается в выбор, разумеется, на базе субъективного характера, хотя и принимающего вид определяющей идеи, авторитетного основания и др. Иными словами, мыслители снова становятся на зыбкую почву и тоже не выходят за рамки релятивизма.

Правда, возможен и другой путь. С самого начала выбрать определенный тип сущности (предмета) философии и проследить, как он был реализован в историко-философском знании. Однако вновь возникает проблема, какую «сущность» выбрать в качестве отправной. Их может быть сколь угодно много, по меньшей мере, по числу авторов, занятых этой проблемой. И этот путь не ведет к успеху, поскольку упирается в логико-методологический релятивизм.

А может быть, поступить так, как это делал гениальный скульптор Роден? По его словам, отсечь от материала все лишнее, и тогда возникнет совершенное произведение. Следуя этой установке, убрать из материала философии то, что ей не принадлежит, а является собственностью науки, религии, искусства, литературы и т. д. То,

²⁴ Как утверждает известный историк, «тексты или археологические находки, внешне даже ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале – пылкий дух» (Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1973. – С. 38).

что остается, и есть предмет философии. Видимо, такое рассуждение в методологическом плане имеет право на существование²⁵. Однако и эта позиция не решает вопроса, так как перечисленные выше критические замечания сохраняют свое значение.

Надежды на понимание сути философии в конце XIX столетия можно было бы связать с идеей появления философов-профессионалов. Так, немецкий мыслитель Э. Целлер провозгласил, что дни философов-любителей сочтены и за дело берутся профессионалы²⁶. И уже в XX в. мысль продолжил английский философ И. Уорнк, заявив, что «философия лишь недавно достигла профессионального статуса», поэтому «совсем недавно предмет философии стал ясно отличаться от предмета других дисциплин»²⁷. Однако неясно, почему только в XIX–XX вв. философия приобрела профессиональный характер. Если ранее ею занимались любители, то в их число следует занести немало оригинальных мыслителей, в том числе и таких гигантов, как Аристотель, Гегель. Далее. Профессиональный статус философии, естественно, связан не с процессом ученичества, то есть становлением, а с некой итоговой ситуацией ввиду зрелости, а отсюда – наличием устоявшихся, проверенных временем систем, концепций положений. Однако как можно говорить об устойчивости положений, когда, например, в трех известных современных учебниках по философии – французском²⁸, английском²⁹, американском³⁰ – определение философии как такое отсутствует. Более того, в одном из них прямо утверждается: «...одна из вещей, относительно которой философы никогда не могли договориться, – это в чем состоит философия»³¹.

²⁵ Кстати говоря, оно по сути совпадает с точкой зрения В. Дильтея, который полагал, что при помощи отдельных приемов «будем шаг за шагом все точнее и точнее ограничивать признаки сущности философии и все точнее описывать сферу входящих в нее явлений» (Дильтей, В. Указ. соч. – С. 16).

²⁶ Zeller, E. *Über Bedeutung und Aufgabe der Erkenntnistheorie // Vorträge und Abhandlungen*. Zweite Sammlung. – Leipzig, 1877. – S. 495.

²⁷ Warnock, G. J. *English Philosophy Since 1900*. – London, 1958. – P. 171–172.

²⁸ Gourinat, M. *De la Philosophie*. Classes terminales Classes, préparatoires aux Grandes Ecoles Premier cycle d'Enseignement Supérieur. Hachette, Supérieur. – Paris, 1997.

²⁹ Teichman, J., Evans, K. *Philosophy: A Beginner's Guide* Second Edition. – UK: Blackwell, Oxford & Cambridge USA, 1995.

³⁰ См. Popkin, R. H., Stroll, A. *Philosophie Made Simple*. – N. Y.: Butterworth-Heinemann LTD., 1993.

³¹ Ibid. – P. 12.

Философия есть, действует, живет – это реальный факт. А вот дать исчерпывающее объяснение, что это такое, не удается. Поэтому Виндельбанд после трудных размышлений решается на вывод: «приходится отказаться от надежды найти для философии ближайшее высшее понятие»³². Близок к нему Ю. Бохеньский: «Философия есть универсальная наука, ее предмет не поддается конкретному определению или ограничению»³³.

В XX столетии наметился отход от субстанциального понимания философии, ее вечной природы. Если в мире нет единой универсальной субстанции, стало быть, нет и вечной философии, идеи которой господствовали в Средневековье и позднее были поддержаны Фейербахом, Гуссерлем, Ясперсом и др. Одним из объективных пунктов для поворота послужили данные синергетики, которые побудили по-новому взглянуть на существовавшие столетиями проблемы, в том числе и на субстанцию. Как утверждают И. Пригожин и Д. Стенгерс, источником порядка и организации во Вселенной может быть только хаос, неравномерность как поток вещества, энергии, информации. В соответствии с этим основной аспект научных исследований и переместился с субстанции на отношение, связь, время³⁴.

Согласно синергетике все реальные предметы – результат взаимодействия двух противоположных процессов: от порядка к хаосу и от хаоса к порядку. Иными словами, конституирующим, генерирующим признаком вещей являются процессы. Предметов бесконечное множество, и каждый из них – результат созидания конкретных, а не абстрактных процессов. Если существующие предметы есть итог процессов, в той же мере и мир в целом – результат вполне определенного процесса. Стало быть, нет мира вообще, а есть сегодняшний, конкретный, изменяющийся мир. Поэтому попытки определить предмет философии, опираясь на вечное, неизменное, вневременное, лежащее в основе мира и составляющих его вещей, как это было в прошлом, не только бесплодны, но и бессмысленны. Видимо, прав американский философ Л. Дьюи,

³² Виндельбанд, В. *Что такое философия (О понятии философии) // Прелюдии. Философские статьи и речи*. – СПб., 1904. – С. 42.

³³ Bochenski, Y. *Wede zum philosophischen denken*. – Basel – Wien, 1980. – S. 31

³⁴ См.: Пригожин, И., Стенгерс, Д. *Порядок из хаоса*. – М., 1986. – С. 49.

утверждавший: «Призвание философии – опираться на вечное и неизменное – определяет для нее такую роль и такой предмет, который является главным источником возрастающего общественного неуважения и недоверия к ее претензии»³⁵. И уже позднее Ж. Делез, Ф. Гваттари пишут: «Дело философии не созерцать вечное и не рефлексировать историю, а диагностировать актуальные становления... в каждом настоящем или прошлом... Вечная философия, а равно и история философии, уступают место становлению – философскому»³⁶.

Мир изменчив и текуч. Он – совокупность рождающихся и исчезающих процессов, связей и отношений. Субстанционная парадигма в понимании сущности мира, существующая сотни лет, видимо, исчерпала себя и дефиницию философии, следовательно, надо искать в других направлениях.

Оптимизму в деле появления определений философии не способствует идея ее конца, которая жила в здоровом теле философии, а затем вышла наружу при ее ослаблении и стала набирать силу, особенно после заявления Ф. Ницше, что философии «предстоит исчезнуть»³⁷. Естественно, далеко не в созидательном ключе работает и задача, поставленная итальянским философом XX в. Джованни Джентиле, – «преодолеть философию»³⁸. В России подобная позиция изложена С. К. Мининым в статье с броским названием «Философию за борт»³⁹.

Есть и более мягкая версия судьбы философии, согласно которой философия находится на «изломе». Это обстоятельство нашло выражение в коллективной монографии западноевропейских философов, где в предисловии говорится о «После-философии», что означает (согласно Рорти и Деррида) – платоновская традиция «изжила себя»; по Хабермасу, философию следует заменить в соответствии с Марксом социальными исследованиями. Гадамер и Рикер видят продолжение философии посредством трансформации в герменевтику, а Макинтайр и Блюменберг – в философскую историо-

³⁵ Дьюи, Д. Реконструкция философии. – М., 2001. – С. 12.

³⁶ Делез, Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? – СПб., 1993. – С. 175.

³⁷ Ницше, Ф. Утренняя заря. – Свердловск, 1991. – С. 222.

³⁸ См.: Theory of Mind of Pure Art. – London, Macmillan, 1922.

³⁹ Под знаменем марксизма. – 1922. – № 5–6.

графию. Дэвидсон и Даммет сводят ее к теории смыслов⁴⁰. Словом, философии предстоит перейти в новое состояние, когда она начнет истекать посредством обозначенных интеллектуальных ручейков, приближаясь, видимо, к финалу.

В этом плане пристального внимания заслуживает статья И. А. Гобозова⁴¹, который в результате трезвого, взвешенного анализа уже в начале XX в. обнаружил тенденцию деградации философии. Автор прав, когда утверждает, что движение философской мысли зависит от состояния общества, и приводит убедительный исторический пример того, как она достигла огромных успехов в XVII в. на базе подъема буржуазного общества. В настоящее время практически все развитые государства планеты создают информационное общество⁴² как высший этап и результат социально-экономического развития человечества. Не исключено, что вслед за этим последует прорыв в области общественных, в том числе и философских идей, а сама философия превратится в суперфилософию как синтез существующей философии, науки, религии, искусства и литературы. Возможно, к этому времени обнаружатся и конструктивные логико-методологические приемы и способы ее дефиниции.

⁴⁰ См.: Baynes, K., Bohman, J., and McCarty T. (eds.) After Philosophy. End or Transformation. Cambridge, The MIT Press, 1987. – P. 488.

⁴¹ См.: Гобозов, И. А. Что происходит с философией? // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 16.

⁴² См. подробнее: Еляков, А. Д. Современное информационное общество (философско-социологический анализ). – Самара: Изд-во СГЭУ, 2007. – С. 206; Он же. Феномен информационного общества. – Самара: Изд-во СГЭУ, 2001. – С. 220; Он же. Современное информационное общество // Высшее образование в России. – 2001. – № 4.